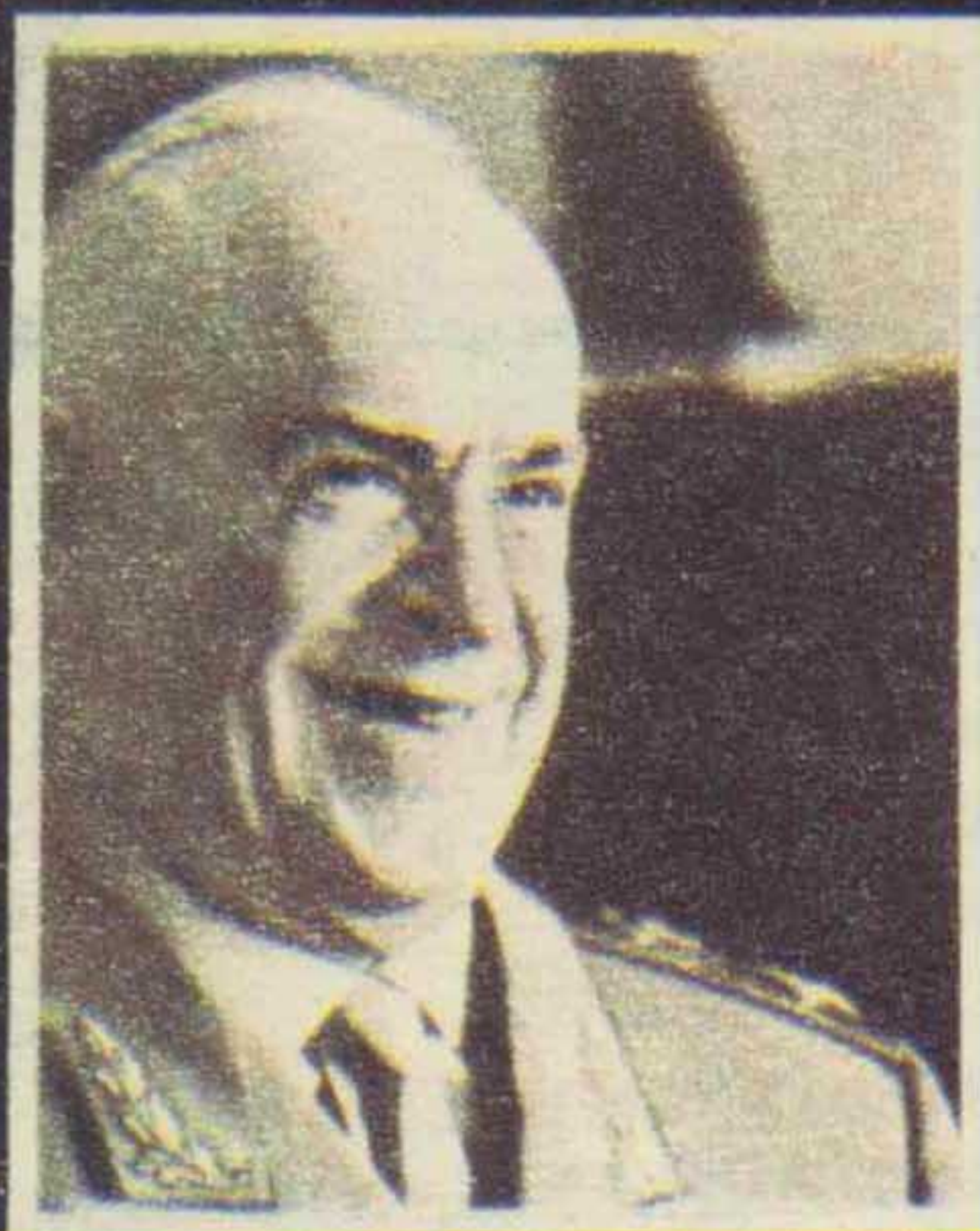

ОГОНЁК

Д. С. ЛИХАЧЕВ:
«ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ
ДАЕТ СМЫСЛ ЖИЗНИ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 48 НОЯБРЬ 1986

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

ДЕНЬ НА ТАМОЖНЕ

ФОТОЛЕТОПИСЬ
ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

НА УЗБЕКСКОЙ
ЗЕМЛЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Исполнилось 80 лет со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Крупнейший советский литературовед, член целого ряда иностранных академий, Д. С. Лихачев отдает много сил пропаганде отечественного культурного наследия, охране памятников истории и культуры. Мы публикуем отрывок из автобиографических записок ученого и интервью, которое Д. С. Лихачев дал корреспондентам «Огонька».

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Я родился в среднеинтеллигентской семье. Мой отец был инженер-электрик, добившийся высшего электротехнического образования только благодаря своей энергии и работоспособности. Уже в старших классах реального училища он зарабатывал себе на жизнь репетиторством, а в студенческие годы и преподаванием в реальном училище Шкловского — отца известного литературоведа В. Б. Шкловского.

Известную роль сыграло для меня увлечение моих родителей мариинским балетом, а затем озорная и увлекательная атмосфера артистической молодежи в дешевой дачной местности под Петербургом — Куоккале. Имена многих знаменитых художников, актеров, писателей, живших в Куоккале или только посещавших ее, были для меня живыми и повседневными.

Многим в своем воспитании я обязан школам, в которых учился. В старшем подготовительном я учился в гимназии Человеколюбивого общества на Крюковом канале.

В 1915 году я поступил в гимназию и реальное училище К. И. Мая на 14-й линии Васильевского острова.

В годы первой мировой войны в училище Мая был введен урок ручного труда. Чем это диктовалось, я не знаю. Но воспитательное значение он имел очень большое.

Сравнительно молодой столяр говорил нам: «Когда работаешь, надо думать». Я это запомнил. Он учил нас, как без гвоздей делать различные деревянные поделки — полки, рамки, табуретки, как делать различные сочленения, чтобы вещь крепко держалась без гвоздей, как выбирать дерево для работы, как обходить сучки, как работать рубанком, полировать. Закончив один какой-то прием, мы переходили к другому. «Ручной труд» — так назывался урок — был уроком творчества. Ручной труд был трудом умственным и давал нам радость овладения новым.

Отец был искренне рад и горд, когда рабочие электрической станции в Первой государственной типографии (теперь это Печатный двор) выбрали его своим заведующим. Мы переехали с Новоисаакиевской в центре Петрограда на казенную квартиру при типографии на Петроградской стороне. Это была осень 1917 года. События Октябрьской революции оказались как-то в стороне от меня, я их плохо помню.

Жизнь в типографии меня во многом воспитала. Типографии я обязан своим интересом к типографскому делу. Запах свежееотпечатанной книги для меня и сейчас лучший из ароматов, способный поднять настроение. Но, может быть, не последнюю роль сыграло и то, что на некоторое время отец получил на хранение библиотеку директора ОГИЗа — небезызвестного в тогдашних литературных кругах Ильи Ионовича Ионова. В его библиотеке были эльзевированные альбины, редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы, Библия Пискатора, роскошные юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное «Путешествие из Петербурга в Москву»

Радищева, книги из библиотеки Феофана Прокоповича, множество книг с автографами современных писателей (запомнились письма-надписи на сборниках стихов Есенина, А. Ремизова, А. Н. Толстого и т. д.).

Несколько лет существования великолепной библиотеки в нашей квартире не прошли для меня даром. Я рылся и рылся в ней, читал, смотрел, любовался изданиями и рукописями, гравюрами и фотографиями с памятников искусства. Мне не хватало образования, иначе я бы еще больше смог получить для себя от этой необыкновенной библиотеки.

Наиболее важный и в то же время наиболее трудный для своей характеристики период в формировании моих научных интересов, конечно, университетский.

Университет переживал самый острый период своей перестройки. Активно способствовал или даже проводил перестройку «красный профессор» Николай Севастьянович Державин — известный болгарист и будущий академик.

Я поступил на факультет общественных наук. Состав студентов был не менее пестрый, чем состав профессоров: были пришедшие из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, доносившие свое военное обмундирование. Были «вечные студенты», работавшие и учившиеся по десять лет, были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках (к таким принадлежали учившиеся со мной И. И. Соллертинский, И. А. Лихачев (будущий переводчик), П. Лукницкий (будущий писатель), да и многие другие).

Я окончил университет в 1928 году, написав две дипломные работы: одну — о Шекспире в России в конце XVIII — самом начале XIX века, другую — о повестях о патриархе Никоне. К концу моего учения надо было еще зарабатывать на хлеб, службы было не найти, и я подумал составить библиотеку для Фонетического института иностранных языков. Институт был богатый, но деньги мне платили неохотно. И снова поразительные подборки книг из различных реквизиционных библиотек частных лиц и дворцов, редкости, редкости и редкости.

Сразу же по окончании университета я решил учиться писать и систему придумал сам. Во-первых, чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения, хорошо написанные, написанные хорошей прозой — научной, искусствоведческой. Я читал М. Алпатова, А. Дживелегова, П. Муратова, И. Грабаря, Н. Врангеля, В. Курбатова и делал из их книг выписки — главным образом фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т. д.

Во-вторых, я решил писать каждый день, как классные сочинения, и писать особым образом. Этот особый образ я назвал «без отрыва пера от бумаги», то есть не останавливаясь. Я решил (и решил правильно), что главный источник богатой письменной речи — речь устная. Поэтому я старался записывать свою собственную, внутреннюю устную речь, старался догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю — адресату письма или просто читателю.

Впоследствии, когда я поступил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), это было в 1938 году, и Варвара Павловна Адрианова-Перетц поручила мне для «Истории культуры Древней Руси» (т. 2; он вышел только в 1951 году) написать главу о литературе XI—XIII веков, она мною была написана как «стихотворение в прозе». Далось мне это очень нелегко. На даче в Елизаветине я переписывал текст от руки не менее десяти раз.

В. П. Адрианова-Перетц была замечательным организатором работ отдела древнерусской литературы. Заведовал отделом академик А. С. Орлов совместно с Варварой Павловной, а организационный талант, административный ум и знания у Варвары Павловны были исключительными. Отличалась она и огромной работоспособностью, несмотря на плохое здоровье.

Мы в отделе приступали к написанию первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы». Здесь мне пригодились мои старые мечты о создании настоящей истории русской литературы XI—XVI веков, интерес к летописанию и искусству Древней Руси. Я стал редактировать и писать. В первом томе параллельно готовившегося учебника для вузов «История русской литературы» я писал разделы по истории русского искусства (моя идея) и написал их от XI до XVIII века включительно. Получилась миниатюрная история русского искусства, связанная с историей русской литературы.

11 июня 1941 года я защитил кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. Для меня это была не только диссертация, но и выражение своей увлеченности Новгородом, где мы с женой в 1937 году провели свой отпуск. Мы исходили Новгород и окрестности вдоль и поперек, побывали в каждом достопримечательном месте. Летописи Новгорода представлялись мне живыми, события становились почти зримыми. С тех пор я оценил научные темы, даже отвлеченно-филологические, в которых была бы хоть доля личного чувства. Своим ученикам я стараюсь постоянно рекомендовать темы, так или иначе связанные с ними биографически, темы, не только обещающие интересные результаты, но и близкие им по материалу.

Через две недели после защиты диссертации разразилась война. На призывном пункте меня с моими постоянными язвенными кровотечениями начисто забраковали, и я довольствовался участием в самообороне, жил на казарменном положении в институте, работая «свистом» и дежуря на башне Пушкинского Дома. В моем ведении была ручная сирена, которую я приводил в действие при каждом налете вражеской авиации. Спал я то на крыловском диванчике, то на большом диване из Спасского-Лутовинова и думал, думал.

Не касаюсь сейчас истории нашей жизни в блокадном Ленинграде: это тема целой книги. Писать о блокаде мельком невозможно. Скажу лишь следующее: потери в нашем институте, в нашей семье, среди наших знакомых и родных были ужасающие: больше половины моих родных и знакомых погибло от истощения. Мы очень плохо представляем себе, сколько людей унесли во время блокады голод и все остальные лишения.

Однако мозг в голод работал напряженно. Я даже думаю, что эта усиленная работа го-

лодающего мозга «запрограммирована» в человеке. Особенно остро мыслить в период лишений и опасности необходимо для сохранения жизни. Но думалось в этот период не о том, как бы избежать этих лишений, а об общих судьбах нашей страны, России. В этот период зародились во мне идеи, легшие в основу сперва книжки «Оборона древнерусских городов», написанной совместно с М. А. Тихановой и вышедшей в Ленинграде осенью 1942 года, а потом книг «Новгород Великий. Очерк истории культуры X—XVII вв.» и «Национальное самосознание Древней Руси», увидевших свет, несмотря на военные трудности, в 1945 году. Уже в этих книгах начала рождаться

идея «замедленного Ренессанса» на Руси, которая впоследствии легла в основу моих книг по истории древней русской литературы — «Развитие русской литературы X—XVII вв.» и целого ряда других работ, связанных с ней и развивающих те же идеи.

В 1947 году я подготовил докторскую диссертацию по истории русского летописания, сильно сокращенный и упрощенный вариант которой вышел в свет благодаря помощи академика И. Ю. Крачковского под названием «Русские летописи и их историко-культурное значение». Основная идея и тема диссертации заключались в попытке рассмотреть всю историю русского летописания как историю лите-

ратурного жанра, при этом постоянно меняющегося в зависимости от изменения историко-литературной обстановки.

В развернутом виде эта концепция дана была мною в книге «Текстология на материале русской литературы XI—XVII вв.» (издана в 1962 году, второе издание — 1983 год).

Через несколько лет я издал две книги, вызвавшие много откликов и подражаний: «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1970) и «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 1971). Последняя книга принесла мне вторую Государственную премию.

Не перечисляю других моих работ, книг и частных исследований.